

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 224

26 сентября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Б., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению мирового судьи ... Бы., исполняющего обязанности мирового судьи ... (вх. № ...), в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 июня 2024 года вынесла заключение о нарушении адвокатом Б. взаимосвязанных положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, пп. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности; соблюдать кодекс профессиональной этики и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; участвуя... в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в отказе адвоката Б. как защитника подсудимого К. 02 мая 2024 года от участия в судебных прениях по уголовному делу № ..., рассматривавшемуся в судебном участке ... под председательством мирового судьи Бы.

От адвоката Б. поступили письменные возражения на заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... и вх. № ...), в которых он, не соглашаясь с заключением, обращает внимание на то, что предметом обращения мирового судьи Бы. является уклонение адвоката Б. от судебных прений, а не отказ от участия в них, как указала Комиссия в заключении. Давая оценку его действиям и усмотрев в них нарушение законодательства и

Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия не дала оценки его действиям как протестному поведению в ответ на действия председательствующего судьи, которыми адвокат Б. защищал права подсудимого. Комиссия при вынесении заключения не приняла во внимание и то, что адвокат Б. заявил в суде под протокол, что не может отказаться и не отказывается от участия в судебных прениях. Однако как защитник он связан позицией своего подзащитного, который в случае своего желания участвовать в прениях должен выступать перед ним, так как защитник должен знать позицию подзащитного и исходить из нее. Поэтому считает свои действия в судебном заседании верными, направленными на соблюдение прав и интересов его доверителя К.

В заседании Совета адвокат Б. подтвердил, что заключение Квалификационной комиссии получил, с ним ознакомился и не согласен, поддержал доводы своих письменных возражений. Дополнительно пояснил, что его подзащитный К. заявил суду, что желает участвовать в судебных прениях, но ему необходимо больше времени на подготовку к ним, поскольку предоставленных мировым судьей нескольких минут явно недостаточно. Суд подсудимому в этом отказал. По этой причине адвокат Б., не отказываясь от участия в прениях и заявив об этом суду, считал для себя недопустимым выступать раньше своего подзащитного К. Выступив в судебных прениях в условиях, когда его подзащитному не дали к ним подготовиться и изложить свою позицию, адвокат Б. фактически согласился бы с правильностью действий суда, не позволившего его доверителю К. надлежащим образом изложить свою позицию, которая при этом могла измениться в прениях по сравнению с предыдущей. В результате могла бы сложиться ситуация, при которой защитник высказал бы в судебных прениях позицию, не соответствующую позиции подзащитного. Нарушать законодательство об адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, адвокат Б. не намеревался, от участия в судебных прениях не отказывался и не уклонялся, а лишь действовал в защиту интересов своего подзащитного. По этой причине просил Совет прекратить дисциплинарное производство.

Рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката Б., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводом о совершении адвокатом Б. дисциплинарного нарушения не соглашается и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 14 марта 2024 года в судебный участок ... поступило уголовное дело № ... по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Защиту подсудимого осуществлял адвокат Б. на основании соглашения.

В судебном заседании 02 мая 2024 года суд поставил перед сторонами вопрос об окончании судебного следствия и переходе к прениям сторон.

Государственный обвинитель и представитель потерпевшего подтвердили суду свою готовность к прениям. Обвиняемый К. сообщил суду о том, что к судебным прениям он не готов, и для подготовки ему нужно 3 – 5 дней, заявил ходатайство об отложении судебного заседания на 5 дней. Защитник Б. ходатайство своего подзащитного поддержал.

Выслушав позиции сторон, суд объявил перерыв до 18 часов 30 минут этого же дня для подготовки сторон к судебным прениям. После возобновления судебного заседания суд перешел к выслушиванию выступлений в судебных прениях государственного обвинителя и представителя потерпевшего. На вопрос председательствующего к подсудимому К. о его готовности выступить в прениях последний вновь ответил, что не готов, и повторно заявил ходатайство об отложении судебного заседания для подготовки к прениям. Суд предоставил защитнику подсудимого – адвокату Б. возможность выступить в судебных прениях, на что последний заявил, что поскольку подсудимый К. в судебных прениях еще не выступал и его позиция защитнику неизвестна, он как защитник не может выступать в судебных прениях до выступления своего подзащитного. В противном случае это может привести к нарушению права подсудимого на защиту. Одновременно адвокат Б. заявил отвод председательствующему судье, который последним был оставлен без удовлетворения. После этого суд вновь предложил адвокату Б. выступить в судебных прениях, на что тот ответил, что желает выступить в прениях, но не может этого сделать ранее выступления своего подзащитного, который изъявил желание выступить в судебных прениях, но попросил предоставить ему время на подготовку. При этом адвокат Б. неоднократно указывал суду на то, что своими действиями суд нарушает право подсудимого К. на защиту, не давая ему возможности подготовиться к судебным прениям.

После очередного перерыва в судебном заседании, объявленного судом на несколько минут, председательствующий судья вновь предложил адвокату Б. выступить в прениях, не дожидаясь выступления его подзащитного К., а по сути – вместо него, поскольку суд отказал К. в предоставлении необходимого ему времени на подготовку к выступлению. Адвокат Б. в очередной раз заявил суду, что не отказывается от выступления в прениях, но вместе с тем считает, что не вправе это сделать до выступления в судебных прениях его подзащитного К.

Реагируя на занятую адвокатом Б. позицию, государственный обвинитель заявил ему отвод в связи с нарушением им права подсудимого на защиту отказом от участия в судебных прениях по надуманным основаниям. Судом указанное заявление государственного обвинителя было удовлетворено и протокольным постановлением принято решение об отводе защитника – адвоката Б., о назначении К. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ и об отложении судебного заседания на 16 мая 2024 года.

Заявителем в отношении адвоката Б. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он при описанных обстоятельствах уклонился от

выступления в судебных прениях, при этом на какие-либо объективные причины невозможности своего выступления в прениях не сослался. По мнению заявителя, уклонение адвоката Б. от участия в судебных прениях лишало подсудимого К. права на квалифицированную юридическую помощь, гарантированную Конституцией Российской Федерации и УПК РФ.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению, Совет, прежде всего, обращает внимание на процессуальную ситуацию, сложившуюся в судебном разбирательстве к моменту окончания судебного следствия. Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в судебном заседании 02 мая 2024 года государственный обвинитель отказался от вызова и допроса свидетелей, попросив суд изменить порядок исследования доказательств, а именно – исключить из ранее установленного порядка допрос свидетелей. Судом был установлен следующий порядок исследования доказательств: исследование письменных материалов дела, допрос подсудимого, разрешение вопроса о дополнениях судебного следствия и его окончании.

Таким образом, суд, согласившись с государственным обвинителем – приняв отказ последнего от допроса свидетелей и изменив порядок исследования доказательств, по существу лишил подсудимого и его защитника возможности реализовать гарантированное им ч. 3 ст. 278 УПК РФ право допросить свидетелей обвинения, задав им вопросы и получив на них ответы, которые могли прояснить обстоятельства дела, в том числе иные, неизвестные суду, и, возможно, повлиять на итоговое решение суда по уголовному делу.

При таких обстоятельствах у адвоката Б. возникла необходимость внесения корректировок в тактику осуществляемой им защиты подсудимого К., включая оценку доказательств по делу, а следовательно, и внесение соответствующих корректировок в содержание выступлений стороны защиты в судебных прениях. Все эти корректировки, в свою очередь, требовали обсуждения и согласования с подзащитным.

Однако, как указано выше, неоднократно заявленные суду как самим подсудимым К., так и его защитником – адвокатом Б. ходатайства об отложении судебного заседания для предоставления им времени на подготовку к прениям были отклонены председательствующим судьей.

Кроме того, ч. 7 ст. 292 УПК РФ наделяет подсудимого и его защитника правом по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в п. 1 – 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, на подготовку которых подсудимому и его защитнику также требуется время. В этой связи Совет отмечает, что предоставленных судом подсудимому К. и его защитнику Б. двух коротких перерывов, по несколько минут каждый, было явно недостаточно для полноценной подготовки к прениям. При этом суд, не предоставив стороне защиты не только ни одного дня (чего с учетом объема уголовного дела было бы достаточно), но даже нескольких часов на подготовку к прениям в описанной ситуации, в то же

время посчитал возможным отложить судебное заседание на две недели – до 16 мая 2024 года, устранив избранного подсудимым защитника от участия в деле.

Не входя в оценку такой реакции суда на активную позицию адвоката Б., направленную на защиту прав и интересов его доверителя – подсудимого К., Совет в то же время не может согласиться с тем, что профессиональное поведение адвоката Б. в описанной ситуации дает основания как для вывода о его уклонении или отказе от участия в судебных прениях, так и для вывода о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей по оказанию доверителю К. квалифицированной юридической помощи.

Прежде всего, Совет отмечает факт отсутствия каких-либо претензий к адвокату Б. со стороны его подзащитного К., что само по себе исключает возможность законной и обоснованной постановки иными участниками судопроизводства вопроса о ненадлежащем оказании К. квалифицированной юридической помощи избранным им защитником Б., осуществляющим его защиту на основании соглашения.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что участие в судебных прениях подсудимого является его правом, а участие в них защитника – безусловной обязанностью последнего. Однако из этой правильной констатации вовсе не следует, что адвокат-защитник вправе игнорировать желание своего подзащитного реализовать право на участие в прениях, неотъемлемой составляющей которого является надлежащая подготовка к ним. Напротив, защитник должен отстаивать перед судом соблюдение этого права доверителя так, как этого требуют предписания пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В этой связи Совет отмечает, что последовательные пояснения адвоката Б. о том, что он не отказывался и не уклонялся от выступления в судебных прениях, неоднократно и ясно заявив об этом суду, а лишь добивался реализации права своего доверителя на участие в прениях после надлежащей подготовки, ничем не опровергнуты. Более того, эти пояснения подтверждаются аудиозаписью судебного заседания.

Помимо этого, согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности может повлечь лишь такое нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и указанного Кодекса, которое совершено умышленно или по грубой неосторожности. Совет не находит оснований для вывода о том, что адвокатом Б. при описанных обстоятельствах были умышленно или по грубой неосторожности совершены уклонение либо отказ от участия в судебных прениях. По этой причине Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Б. неопровергнутой, а

дисциплинарное производство – подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката.

При этом Совет, признавая право адвоката Б. на выражение в надлежащей форме протеста против ущемления судом прав и интересов его доверителя, вместе с тем отмечает, что наряду с этим выражением протеста адвокату Б. как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам следовало обсудить и согласовать с доверителем К. корректировку позиции последнего в сторону сокращения количества времени, реально необходимого ему для подготовки к выступлению в прениях. Такой разумный компромисс мог бы позволить избежать возникшего острого конфликта с судом без ущерба для прав и интересов стороны защиты.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению мирового судьи ... Бы., исполняющего обязанности мирового судьи ... (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С. Б. Зубков